

КАТЕГОРИЯ СОБОРНОСТИ В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ БРАТЬЕВ ТРУБЕЦКИХ

И. А. Лебедев

*Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина
(Мининский университет)*

Поступила в редакцию 15 ноября 2025 г.

Аннотация: категория соборности – одна из наиважнейших в отечественной интеллектуальной культуре. Однако вопрос истории ее возникновения и последующей рецепции рядом отечественных, и не только отечественных, философских и политических традиций мало изучен. Представляется, что одним из наиважнейших моментов в истории данного понятия было его заимствование из славянофильской традиции в метафизику Всеединства как одну из основных традиций русской метафизики. Эта рецепция происходит в трудах братьев Трубецких, философское наследие которых еще в недостаточной степени оценено в современной гуманитарной науке. Цель данной статьи – исследование значения категории соборности в философском наследии братьев Трубецких и сравнительный анализ их представлений, связанных с данным понятием. Именно братья Трубецкие заимствовали категорию соборности от славянофилов и осуществили ее синтез с концепцией Богочеловечества, принадлежащей В. С. Соловьеву. В результате в философии С. Н. Трубецкого вводится категория «соборного сознания». Е. Н. Трубецкой критически подходит к концепции своего брата, носящей универсальный характер, и переосмысливает ее в ортодоксальном ключе, сближаясь с традицией современного ему академического богословия.

Ключевые слова: соборность, всеединство, метафизика, соборность, философия сознания, индивидуализм, персонализм.

Abstract: the category of «sobornost» is one of the most important in Russian intellectual culture. However, the question of the history of its origin and subsequent reception by a number of domestic, and not only domestic, philosophical and political traditions has been little studied. It appears, that one of the most important moments in the history of this concept was its borrowing from the Slavophile tradition into the metaphysics of Unity, as one of the main traditions of Russian metaphysics. This reception takes place in the works of the Trubetskoy brothers, whose philosophical legacy is still insufficiently appreciated in modern humanities. The purpose of this article is to study the meaning of the sobornost category in the philosophical heritage of the Trubetskoy brothers and a comparative analysis of their ideas related to this concept. It was the Trubetskoy brothers who borrowed the category of conciliarity from the Slavophiles and carried out its synthesis with the concept of God-manhood belonging to V. S. Solovyov. As a result, the category of «conciliar consciousness» is introduced in S. N. Trubetskoy's philosophy. E. N. Trubetskoy takes a critical approach to his brother's universal concept and rethinks it in an Orthodox way, drawing closer to the tradition of his contemporary academic theology.

Key words: conciliarity, unity, metaphysics, conciliarity, philosophy of consciousness, individualism, personalism.

Понятие соборности активно используется в отечественном интеллектуальном пространстве и входит в число часто называемых традиционных ценностей. Между тем это категория древняя по содержанию, но сравнительно новая по форме. Сам термин впервые появился в русских переводах великого русского философа, основателя славянофильства А. С. Хомякова в 60-е гг. XIX в. [1, с. 177–192]. Среди славянофилов данный термин употреблялся мало. Более активное его применение мы находим у русских

религиозных философов, принадлежавших к традиции метафизики всеединства, и у представителей православного академического богословия [2, с. 427–440].

Братья Сергей Николаевич и Евгений Николаевич Трубецкие – недооцененные отечественные философы, на чье философское творчество повлияли и А. С. Хомяков, и В. С. Соловьев. Соответственно, в их идейном наследии мы можем проследить влияние ключевых философских идей последних – учения

Хомякова о соборности как о «единстве во множестве» и учения Соловьева о всеединстве.

Специфика интеллектуального становления.

Если говорить о некой схожести обстоятельств, повлиявших на становление философских воззрений и А. С. Хомякова, и братьев Трубецких, то здесь мы прежде всего отметим некую «семейственность» или «домашность». Описание этого фактора личностного становления философов мы находим в воспоминаниях их младшей сестры Ольги Николаевны Трубецкой. Она с большой теплотой и любовью повествует об их семейном имении – Ахтырке, которое находится недалеко от Троице-Сергиевой Лавры. Это имение основала в 1797 г. еще их прабабушка Наталья Сергеевна Трубецкая, которая в 17 лет вышла замуж за их прадеда Ивана Николаевича Трубецкого практически «накануне полного разорения» и благодаря своим «выдающимся уму и энергии» сумела обустроить хозяйство: вернула долги, выкупила отданные под залог фамильные земли и даже приготовила своим троим сыновьям достойное наследство «по 1000 душ крестьян и по миллиону ассигнациями» [3, с. 8].

В имении был большой дом с колоннами, портреты предков на стенах комнат, живописный парк с запрудой, храм. Всё это, по признанию князя Евгения Николаевича, хоть и обладало многими чертами «парадного и формального от XVIII в.», тем не менее имело, уже по словам Ольги Николаевны, большое значение в становлении сильного «чувства “отчизны”, любви к “матушке-земле-родной”» для нее самой и для ее братьев-философов, личность которых «во многом сформировалась в Ахтырке» [там же, с. 8–9].

Забегая несколько вперед, отметим, что и одна из главных философских тем братьев-философов – соотношение богатства личности и общины – также имела началом своего формирования по-семейному уютную Ахтырку, вышеупомянутый «формализм XVIII в.» которой был уравновешен личностью их матери – Софьи Алексеевны Трубецкой (Лопухиной). По свидетельству Евгения Николаевича, ее живой ум, непосредственный характер и, главное, душа в прямом смысле слова одухотворили парадный формализм имения, «наполнили неведомой раньше благодатью красивые архитектурные формы» [там же, с. 9].

Именно это создание монументальных и одновременно изысканных образов в архитектуре и местности становящегося родового поместья Трубецких бабушкой Натальей Сергеевной и их, образов, последующее одухотворение матерью *Софьей* Алексеевной, возможно, по словам К. Б. Ермишиной, «легли в основу *софийного* мировоззрения у братьев Трубецких», где София, как Премудрость Божия, «одухотворяет мир, сообщая ему бытийную полноту, смысл, разум», а также «создает начало соборности и церковности» [там же].

Кроме указанных выше семейных предпосылок становления философских взглядов братьев Трубецких были и другие. Немалое влияние на формирование их взглядов в юности оказывает патриотическое чувство сопричастности великому Отечеству, персонафицированному или в личности императора в совокупности с государственно-церковным церемониалом в его честь, или, к примеру, в акте объявления императором Александром II в Успенском соборе Кремля войны Турции, общепризнанной первопричиной которого стала необходимость защиты балканских христиан от угнетения турками. Данный факт, по признанию самого Е. Н. Трубецкого, стал для него одним из моментов «счастья приобщения к великому Отечеству и народу», а подобного рода эмоциональные волнения стали в итоге доброй почвой для укоренения идей их с братом «раннего славянофильства», и далее – «их интуиции Всеединства, Богочеловечества и соборного сознания» [там же, с. 13–14].

Эти биографические зарисовки облегчают понимание интеллектуального становления С. Н. Трубецкого и Е. Н. Трубецкого как философов. Но самую важную роль в формировании их взглядов сыграло, конечно же, знакомство с метафизикой всеединства В. С. Соловьева.

Общепризнанным является статус братьев Трубецких как главных наследников Соловьева. К примеру, классик истории русской философской мысли В. В. Зеньковский пишет, что С. Н. Трубецкой и Е. Н. Трубецкой есть «ближайшие друзья Вл. Соловьева» и в вопросе философской преемственности от Соловьева «должны быть выдвинуты на первый план» [4, с. 746]. Но наследник не означает последователь. Во многом философское наследие братьев было оригинальным, а в каких-то пунктах и прямо противоположным по отношению к метафизической системе Соловьева.

Категория соборности в наследии С. Н. Трубецкого. Сергей Николаевич был старшим братом, при этом при жизни он затмевал младшего, однако его ранняя смерть не позволила ему развить до конца свои взгляды и привести их в систему. Между тем он был профессиональным философом, закончившим МГУ и сделавшим блестящую академическую карьеру. С. Н. Трубецкой защитил две диссертации: магистерскую – «Метафизика в Древней Греции» и докторскую – «Учение о Логосе в его истории». Вместе с Л. М. Лопатиным он был редактором знаменитого журнала «Вопросы философии и психологии», участвовал в политической деятельности, придерживаясь умеренно либеральных взглядов. В 1904 г. он стал ректором университета. Но, к сожалению, его сгубили прореволюционные студенческие волнения, из-за которых в 1905 г. он был вынужден закрыть университет. В результате пережитых потрясений мыслитель

умер от инсульта на приеме у министра народного просвещения, пытаюсь отстоять университетские свободы и автономию.

Каков же был его философский путь? В 1891–1892 гг. он сблизился с сестрой Ольгой, оставившей яркие свидетельства об его интеллектуальном развитии. В Дневниках она писала, что брат – единственный из семьи, кто глубоко понимает и поддерживает ее. Ольга же, в свою очередь, старается вникнуть в его мысль и философию. Вот запись от 28 января 1892 г. о том, как Сергей читал в семейном кругу свой реферат «О противоречии в философии»: «Он, в сущности, говорил всё то же, что им уже было сказано в его статье. О непримиримости философских систем и претензии их на абсолютное обладание истиной, об односторонности каждой отдельной системы, о Сократе, познавшем глубже всех идеал абсолютного знания, а потом отрицавшем все эти системы и возможность всестороннего истинного познания – ибо такое безусловное знание есть божественное, не человеческое, и есть всеобщее, католическое» [3, с. 36].

На этой волне С. Н. Трубецким будет начата работа над статьей «О природе человеческого сознания», которая потом будет опубликована в «Вопросах философии и психологии» за 1889–1891 гг. В этой статье Сергей Николаевич берется за очень амбициозную задачу – объяснить истинную природу сознания. Этот фактически главный вопрос современной философии Трубецкой решает через обращение к категории соборности. Как видно из записей Ольги, данный путь был найден философом еще за несколько лет до выхода статьи: «Христианство дало жизни еще высший идеал и еще более вскрыло противоречий, которых вся средневековая философия стремилась примирить... Когда вглядываешься в историю философии, странными кажутся эти все вновь и вновь возобновляющиеся стремления к примирению, и надо надеяться, что философы будущего оставят эту бесплодную задачу и, не претендуя на безусловное обладание истиной, поймут ее универсальный характер и то, что истина обитает не в отдельных философских системах, а в соборном сознании человечества» [там же, с. 36–37].

Таким образом, Трубецкой-старший считает, что истиной может обладать только всё человечество в целом, а не отдельная философская система. Главный вопрос, который пытается решить Трубецкой, – это проблема индивидуализма. Европейское общество, по его мнению, атомизируется и распадается на автономных индивидов. В связи с этим философ задается актуальным вопросом – можно ли спасти подобное разобщенное множество, вернув ему общность?

Отвечая на поставленный вопрос, Трубецкой отрицает индивидуальную природу сознания, крити-

куя декартовский субъект, ведь для мыслителя вполне очевидно, что первичен не субъект, а сознание. А сознание всегда связано с другим и направлено на другого (другое). Иными словами, говоря языком современной философии, сознание всегда интерсубъектно и интенционально.

Русский философ выстраивает свою мысль от противопоставления рода и индивида, которое характерно еще для античной философии. Но античная философия не знала понятия личности, которое всё меняет в этом вопросе. Каким же образом? Сводя и частное, и общее к субъективному, в сознании которого частное становится *представлением*, а общее – *понятием*. Протестантская философия, как в лице английского эмпиризма, так и в лице немецкого идеализма, пошла, казалось бы, по этому пути, но в итоге пришла к противоположному пониманию в интерпретации личности. «Английский эмпиризм вполне отождествляет личность с индивидом, тогда как немецкий идеализм признает в ней “бесконечную субъективность”, универсальное, логическое начало» [5, с. 487].

Таким образом, возникает новый извод противостояния номинализма в лице английского эмпиризма, опирающегося на *индукцию*, и универсализма, отстаиваемого немецким идеализмом *дедуктивным* путем. Следуя своей логике, первые приходят к фактическому материализму или, в лучшем случае, пессимистическому агностицизму с опорой на конкретного индивида, с которым и отождествляется личность. Никакого преодоления индивидуализма, очевидно, здесь быть не может, так как индивидуализм и есть краеугольный камень подобного позитивизма.

В случае же с немецким идеализмом, как нам видится, дела обстоят иначе. «Немецкий идеализм, напротив того, утверждает во всё абсолютный универсальный начала, сверхиндивидуального и постольку в сущности бессознательного» [там же, с. 488]. Но в результате немецкий идеализм упраздняет личность, так как любой индивид в этой системе есть лишь *мгновение* в разворачивании мирового процесса. «Каждая мысль и чувство, каждый человек, точно так же как и целые народы, суть лишь “моменты” самосознания мирового духа, – стадии или ступени, через которые оно должно перешагнуть, чтобы затем предать их забвению и перейти с вечно новыми юными силами к *новым* моментам и стадиям развития» [там же].

Таким образом, провозгласив личность верховным принципом, философская мысль в результате приходит к противоречию и невозможности примирить частное и общее. Но нет сомнений, что именно личность – это главное открытие философии Нового времени, то понятие, которое знаменует антропологический поворот в мышлении, начиная с Декарта.

«Верховный принцип новой философии есть идея личности, ее критерий – личное убеждение, ее исходная точка – личное сознание в троякой форме: личного откровения (реформа немецких мистиков), личного разума (реформа Декарта) и личного опыта (реформа Бэкона)» [там же, с. 491].

В результате Трубецкой формулирует главный, по его мнению, вопрос философии сознания: «Доступна ли истина личному познанию человека, и если да, то лично ли самое познание его вообще?» [там же, с. 492].

Именно на этот вопрос он в итоге ответит, используя категорию соборности. Для решения поставленного вопроса Трубецкой совершает историко-философский экскурс, обращая внимание на то, что представления о личностном сознании не было в Античности, а в средневековом христианстве личность была ограничена высшим авторитетом. «Отцы церкви и большинство схоластиков считали полноту истины недостижимой единичным умам и вместе сходились в признании безусловного авторитета соборного, католического сознания, живущего во всей церкви и ее предании» [там же, с. 493].

В эпоху Реформации признание личности, по мнению отечественного философа, зашло слишком далеко, приведя к абсурду. Никакое человеческое сознание не может быть сформировано без опоры на сознание других, более старших по отношению к формирующемуся, так как любые знания, хоть научные, хоть метафизические, предполагают определенную традицию. Любой личный мистический опыт есть формальный результат цепи преемственности. В результате Трубецкой и приходит к *концепции* соборного сознания, которую можно охарактеризовать следующим образом: «Я думаю, что человеческое сознание не есть мое личное отправление только, но что оно есть коллективная функция человеческого рода... Фактически я по поводу всего *держу внутри себя собор* со всеми. И только то для меня истинно, достоверно всеобщим и безусловным образом, что должно быть таковым для всех» [там же, с. 495].

Соборность сознания подтверждается и достоверностью нашего опыта, где индивидуальность сознания – путь к самому радикальному солипсизму. Если мы признаем мир объектов реальным, а других людей – обладающими сознанием, то мы должны допустить общность этого сознания. «Если наше сознание соборно, то оно имеет такое вселенское начало. Если оно субъективно, то, очевидно, нет основания искать его начала вне субъекта. Критика эмпиризма убедила нас в неизбежности метафизики сознания» [там же, с. 521].

Из всего сказанного выше очевидно, что соборное сознание, о котором говорит Сергей Николаевич, есть сознание универсальное, общечеловеческое, не свя-

занное, как у славянофилов, с какой-либо национальной историософией. При этом важно понимать, что соборное сознание находится в состоянии постоянного становления и развития, играя тем самым роль эсхатологического *идеала*. Мыслитель в логике своих философских построений отмечает: «Чтобы стать абсолютным и полным, всеобъемлющим не по форме только, но, по существу, по содержанию, – сознание должно обнять в себе всё, стать сознанием всего и всех, сделаться воистину вселенским и соборным сознанием» [там же, с. 546].

Категория соборности в наследии Е. Н. Трубецкого. Переходя к личности Евгения Николаевича Трубецкого, прежде всего следует отметить, что он был очень близок со старшим братом и по-философски ревновал к нему как к человеку, первому заявившему о себе. Для нас же, в рамках настоящего исследования, важно, что Трубецкой-младший был не менее значимым философом, а теме соборности он затрагивал неоднократно.

На наш взгляд, одной из самых распространенных ошибок в отношении Евгения Николаевича является его отнесение к последователям В. С. Соловьева. Однако это достаточно далеко от истины. Е. Н. Трубецкой общался с В. С. Соловьевым и был духовно близким ему человеком, но его философия, думается, написана в противоборстве с рядом важных для метафизики В. С. Соловьева положений. Из всех софистов Евгений Трубецкой – самый православный.

Из недавно опубликованной переписки братьев видно, что Евгений был последовательным критиком старшего брата. Его статья про соборное сознание очень заинтересовала брата, и он оставил пространственный комментарий, посвященный как раз важнейшим нюансам толкования концепции соборности.

Евгений Николаевич начинает с того, что у брата допущена серьезная неточность, а именно – он не разграничивает понятия «соборность» и «коллективность». Соборность предполагает *органический* принцип, т. е. живое объединение индивидуальных сознаний, в то время как коллективность – это механическая совокупность. «Коллективность» – термин чисто механический, и им не следует злоупотреблять, ибо коллективное сознание <есть> не более как сумма отдельных индивидуальных сознаний, из коих каждое в отдельности не управомочено к объективному и универсальному знанию, а следовательно, и все вместе: $0 + 0 + \dots = 0$ » [6, с. 173].

Следующий момент, на который обращает внимание младший брат, – это логическая непоследовательность соборности и истины. Например, у нас есть теорема, которая является истинной для соборного сознания, но истинна она именно в силу логической достоверности, а не соборности. Евгений Николаевич пишет по этому поводу, говоря о необходимости в

данном контексте некой философской инверсии: «Соборность научных истин есть последствия их логической достоверности – обстоятельство, сопровождающее эту достоверность, а потому внешнее ей и не могущее служить критерием. Я сначала верю в истину, а потом уже в возможность убедить ею всех» [там же, с. 174].

Далее Евгений говорит о том, что соборность – только пока *возможный* принцип человеческого сознания, в то время как Богочеловечество, провозглашенное в знаменитом лекционном курсе В. С. Соловьева, – принцип активный. Что такое Богочеловечество у Соловьева? Ответим цитатой: «Истинное богочеловеческое общество, созданное по образу и подобию самого Богочеловека, должно представлять свободное согласование божественного и человеческого начал, то оно, очевидно, обуславливается как действующей силой первого, так и содействующей силой второго. Требуется, следовательно, чтобы общество, во-первых, сохраняло во всей чистоте и силе божественное начало (Христову истину) и, во-вторых, со всею полнотою развило начало человеческой самодеятельности» [7, с. 168].

То есть через Богочеловечество реализуется соборность, при этом Богочеловечество должно быть внутренним и свободным принципом, действующим изнутри конкретного человека. В связи с чем за протестантством можно признать определенную правоту в том, что оно восстало против соборного *формализма* католичества. «Но протестантизм забыл, что Богочеловечество не есть только внутренний критерий, а объективное начало всечеловеческой организации, в результате и получилась – безличная всеобщность, окаменевшая в преемнике св. Петра, и атомная личность <в протестантизме>. Неправы, несомненно, обе стороны» [6, с. 179].

И, наконец, наиболее значимый для младшего брата момент заключался в том, что в концепции соборности Сергея Николаевича был нарушен баланс между личностью и общностью в пользу коллективного начала. Действительно, если существует только коллективное сознание, то что нам делать с субъективностью? Собственное сознание отличается для нас очевидностью, в то время как коллективное приходит к нам извне и такой очевидностью не отличается.

Евгений Трубецкой обращается к христологии, указывая, что во Христе как Сыне Божиим была и человеческая индивидуальность. «Потом это Личное Индивидуальное Начало, умерши для ограниченной частной жизни, воскресло для жизни *универсальной* и вознеслось на небо, чтобы привлечь к Себе во все-ленской организации всё и всех – человечество как *род* и каждого человека как отдельную *индивидуальность*» [там же].

В результате у Евгения Николаевича Трубецкого мы находим следующую конструкцию. Есть некая первоначальная безличная коллективная общность, разрушаясь, она порождает индивидуализм, который противостоит этой первоначальной соборности, однако теперь, для уже освободившегося индивида, возвращение к соборности возможно *только* через свободное решение. То есть, как мы видим, вера становится *свободным* мыслящим актом, ведь, по мнению Е. Н. Трубецкого, «генетически процесс веры так возникает в сознании культурного человека: выделившись из безличного соборного единства веры, в сознании индивидуальной своей свободы, он становится враждебным этому универсальному единству», и лишь в последующем «он приходит к интуитивному признанию универсального всеединства в Божестве и только потом уже всей жизнью своей вырастает в церковное *всеединство*» [там же].

Таким образом, видим, что соборность у младшего Трубецкого вырастает из принципа церковности, точнее, причастности личности этому принципу, иными словами, из Церкви как богочеловеческого союза. Именно в Церкви действует внутренняя интуиция Богочеловечества, на основе которой и вырастает соборность. В ответном письме Сергей Трубецкой указывает на смешение у брата богословского и философского планов и на то, что его учение о Богочеловечестве как внутреннем логическом критерии не совсем верно. Еще ранее, в предыдущем письме он пишет, что «Богочеловечество как догмат есть специальный критерий одного богословия, как геометрические аксиомы, геометрические интуиции-критерии геометрии. Богочеловечество как реальное начало есть не критерий, а трансцендентальное основание, конститутивный принцип всякой организации, а следовательно, и сознания» [там же, с. 170].

И это догматический принцип, принимаемый только в богословии, что делает его бесполезным в точных науках либо же его применение вырождается в схоластическую практику. И далее Сергей Николаевич настаивает на потенциальной соборности всякого коллективного сознания, в том числе и внецерковного. Это соборное начало не является ни общим, ни личным, оно именно соборно, поскольку, по мнению Трубецкого-старшего, только коллективно или объективно познаются добро, истина или красота, но осуществляются они потом субъектами, имеющими соборное сознание. Да, это соборное сознание имеет свои сверхъестественные основы, однако, как замечает С. Н. Трубецкой, «прежде чем их исследовать, надо прочно установить самый факт коллективного сознания» [там же, с. 184].

В результате мы обнаруживаем, что у Сергея Николаевича получается следующая система: с одной стороны, соборность является потенциальной осно-

вой любого коллективного сознания, имеющего, в свою очередь, свое идеальное завершение в соборности, с другой стороны, та же соборность реализуется исключительно в Церкви, которая и есть Богочеловечество. Важно уточнить, что это система, в которой сознание находится в постоянном становлении.

Здесь главное отличие мысли Евгения Николаевича от умозаключений Сергея Николаевича в том, что у первого Богочеловечество существует изначально. Это реальность, относящаяся к вечности и поэтому чуждая становлению, предполагающему несовершенство. Богочеловечество, по мнению Трубецкого-младшего, как теоретический принцип было изначально, еще до сотворения всего, поэтому и геометрические законы также в него входят, просто мы это еще не осознаем, мы не видим этой *соборной* картины в целом. «Истинно<е>, т. е. абсолютно вселенское сознание вне времени, поэтому мы можем признать возможную вселенскость или соборность человеческого сознания, только признав вечно актуальное вселенское сознание как его логическую и метафизическую вневременную основу» [там же, с. 197].

В позднем творчестве Евгения Трубецкого его подход к пониманию соборности не претерпел существенных изменений. Для примера возьмем его итоговый труд, его *opus magnum* – «Смысл жизни» (1918 г.). Как видно, Богочеловечество и соборность здесь также выступают в качестве ступеней богопознания и обожения. «Богопознание становится доступным человеку лишь постольку, поскольку в нем осуществляется внутренний, метафизический процесс обожения человеческого естества... Богочеловечество, первоначально явившееся в Личности Христа, – в жизни человеческого рода проявляется как собирающее или соборное начало. Соответственно с этим и тот духовный опыт, который должен лежать в основе истинного богопознания, не есть только индивидуальный, а коллективный соборный опыт» [8, с. 189].

Итак, из анализа категории соборность в религиозно-философском наследии братьев Трубецких можно сделать несколько выводов.

Вполне очевидно, что братья выступают в качестве преемников славянофилов. От них они наследуют понимание соборности как сущностного свойства Церкви и категории, заключающей смысл «единства во множестве». Они вполне разделяют славянофильскую критику католичества и протестантизма с позиций соборности. В то же время они и наследники мысли В. С. Соловьева. Им свойствен универсализм его подхода, они активно используют концепт Богочеловечества. При этом они не разделяют филокатлических установок Соловьева, равно как им не свойствен и эзотеризм последующих софиологов.

Вместе с тем философская тематика братьев Трубецких далека от славянофильской. Их в большей степени волнуют проблемы личности и сознания, гносеологии и метафизики, персонализма и христианского универсализма. Кроме того, у С. Н. Трубецкого мы сталкиваемся с секуляризацией категории соборности, от чего его предостерегает его брат. Тем не менее Сергей Николаевич явно настаивает на всеобщности соборности. И в данном пункте его понимание близко к тому, которое будут развивать представители русской философии права, как, например, С. И. Гессен или Г. Д. Гурвич. Вот как современный исследователь данной тематики М. Ю. Загирняк характеризует понимание соборности Гурвичем: «Соборность – это ситуация, в которой социальное единение достигает состояния целостности, что приводит к достижению социального и культурного идеала. Соборность в философии Гурвича является результатом развития социальных коммуникаций, при котором преодолены все несогласованности между индивидами, социальными институтами и общностями, а общество функционирует как единое целое» [9, с. 37].

Сергей Николаевич, наверное, согласился бы с подобным развитием концепта соборности, а вот Евгений Николаевич стал бы возражать, ведь реализация соборного принципа возможна только в церковной ограде.

В любом случае можно согласиться с мнением профессора Л. Е. Шапошникова, который утверждает, что С. Н. Трубецкой «завершает первый этап в разработке темы соборности в русской философии», потому как во многом «благодаря его трудам она получает определенную законченность, окончательно приобретая философский статус» [10, с. 58]. Теперь же, с опубликованием дневников О. Н. Трубецкой, касающихся философской переписки ее братьев-философов, мы можем сделать вывод, что позиция С. Н. Трубецкого, исследованная Л. Е. Шапошниковым, формировалась в том числе в философской переписке с его братом Евгением. Поэтому можно с уверенностью сказать, что оба брата участвовали в окончательном оформлении учения о соборности как философской доктрины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лурье В. М. «Соборность»: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова // Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. СПб.: Росток, 2021. Т. VIII: Богословские Сочинения. С. 177–192.
2. Хондзинский П. В., Кырлежев А. И. Соборность в русской богословской традиции // Вопросы теологии. 2019. Т. 1, № 3. С. 427–440.
3. Ермишина К. Б. Ольга Николаевна Трубецкая и ее труды по истории философии С. Н. и Е. Н. Трубец-

ких // *Философская переписка братьев Трубецких : из архива княгини Ольги Николаевны Трубецкой*. М. : Синаксис, 2021. С. 3–65.

4. *Зеньковский В.* История русской философии. М. : Академ. проект : Раритет, 2001. 875 с.

5. *Трубецкой С. Н.* Соч. М. : Мысль, 1994. 816 с.

6. *Философская переписка братьев Трубецких : из архива княгини Ольги Николаевны Трубецкой*. М. : Синаксис, 2021. 480 с.

7. *Соловьев В. С.* Собр. соч. : в 2 т. М. : Правда, 1989. Т. 2. 738 с.

8. *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. М., 1918. 240 с.

9. *Загирняк М. Ю.* Концепт соборности в философии права Г. Д. Гурвича // *Философский журнал*. 2022. Т. 15, № 3. С. 34–49.

10. *Шапошников Л. Е.* Философия соборности : очерки русского самосознания. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 200 с.

Нижегородский государственный педагогический университет (Мининский университет) имени К. Минина

Лебедев И. А., магистр богословия, аспирант кафедры философии и теологии, директор религиозной организации – духовной профессиональной образовательной организации «Центр подготовки церковных специалистов имени святителя Гурия Казанского Чувашской Митрополии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)»

E-mail: i-lebedev86@mail.ru

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin (Mininsky University)

Lebedev I. A., Master of Theology, Post-graduate Student of the Department of Philosophy and Theology, Director of a Religious Organization – a Spiritual Professional Educational Organization «Training Center for Church Specialists named after St. Gury of Kazan Chuvash Metropolis of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)»

E-mail: i-lebedev86@mail.ru